

УДК 82-65

КАРДАНОВА *Наталья Борисовна*, кандидат филологических наук, докторант Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН (Москва). Автор 45 научных публикаций и двух монографий

ОСОБЕННОСТИ ФОРМУЛЯРА ЦАРСКОЙ ГРАМОТЫ К ДОЖАМ ВЕНЕЦИИ: ИНВОКАЦИЯ, ИНТИТУЛЯЦИЯ, НАЧАЛЬНОЕ ПРИВЕТСТВИЕ

Статья посвящена анализу начальных формул дипломатического послания русских царей к дожам Венеции. Исследование выполнено на материале грамот царей Алексея Михайловича, Иоанна и Петра Алексеевичей и Петра I, хранящихся в Государственном Архиве Венеции, а также грамот, хранящихся в российских архивах, и опубликованных документов.

Ключевые слова: грамота, дипломатическая переписка, начальные формулы, Россия, Венеция, Петр Великий.

Формуляр царской грамоты составляют ее части (формулы), которые присутствуют в структуре независимо от ее разновидности, следуют в определенном порядке и во всех текстах исследуемых нами грамот царя Петра, отправленных в Венецию в период его единоличного царствования, т. е. с 1696 по 1721 годы.

Начальными формулами царских посланий иноземным государям являются ссылка на Провидение (инвокация), обозначение автора начальное (интитуляция), приветствие начальное, включающее обозначение адресата.

Эти формулы выполняют функции речевого этикета – установление контакта (начальное приветствие), а также этикета эпистолярного, требующего начального обозначения автора (интитуляция). Мы поставили своей задачей выявить специфику лексических и стиливых

средств речевого этикета, выработанного специально для иностранного адресата, а также проанализировать нормы речевого этикета в основном тексте грамоты и механизм их действия прежде всего в обозначении автора и адресата. С этой целью содержание царских грамот проанализировано с точки зрения соотношения автора и составителя, содержания и формы, речевого наполнения формул – стандартных составляющих грамоты – и соотношения автора и адресата в основном тексте.

В данной статье будут охарактеризованы инвокация, интитуляция и начальное приветствие адресата.

Рассмотрим эти части протокола царской грамоты в эволюции, на материале грамот Петра Великого в сопоставлении с грамотами Иоанна Васильевича и Алексея Михайловича.

Инвокация – ссылка на всеильную волю Божественного Провидения – открывает царскую грамоту: с применением лексико-синтаксических структур богослужебного стиля утверждается сакральный характер власти, данной автору грамоты, который именно «Божиею милостию» носит следующие за инвокацией имя и титулы.

Как пишет М. Шефтель, «Великий князь Московский вводит в свою интитуляцию формулу «Божиею милостию» начиная с середины XV века, следуя литовскому примеру, чтобы заявить, что своей властью он обязан воле Божией и более не воле народной»¹.

Грамота царя Иоанна Васильевича (Грозного) в Венецию начинается с воззвания к милости Провидения: «Бога в Троицы славимаго милосердия ради милостиваго Бога нашего, в них же посети нас восток свыше воеже направить ноги наша на пут мирен»², после которого следует «Божиею милостию», а затем следуют царские имя и титулы.

В грамотах царя Алексея Михайловича, например, в грамоте от 1655³, находим «Божиею Милостию». В его же грамоте от 1668 года инвокация сохраняет свое значение («по воле Бога»), однако структура ее значительно расширена: «Бога Всемогущаго и во всехъ всяческая действующага вездесуща и вся исполняюща и утешения благая всемъ человекомъ дарующаго содетеля нашего въ Троице славимаго силою...»⁴ и появляется определение Творца в терминах богослужебной лексики (ср. в грамоте Иоанна Васильевича «Бога в Троицы славимаго» и «милосердия ради милостиваго Бога нашего»).

Инвокация, встреченная нами в грамотах Алексея Михайловича, повторяется во всех дипломатических посланиях, написанных от лица царей Иоанна и Петра Алексеевичей в 1682–1689 годах и в первых трех грамотах царя Петра, отправленных в Венецию летом 1689 года.

В Петровской грамоте от 8 июля 1700 года в данную формулу добавлено определение «поспешествующей»: «Божиею поспешествующей»⁵; оно сохраняется вплоть до последней Петровской грамоты, датированной 1721 года.

Интитуляция включает полное перечисление титулов автора царской грамоты, сопровождающее его имя. Это – его начальное обозначение, презентация его адресату; дальнейшее его обозначение в тексте грамоты упоминание всех титулов не предполагает.

Вопрос о царских титулах имел принципиальное значение при составлении царской грамоты, поскольку полный и точный их перечень обеспечивал и полную интитуляцию в ответных посланиях иностранных правителей, что было несомненным свидетельством признания статуса царя, заявленного в царской грамоте.

Царские титулы непременно полностью приводились и в речах царских послов (об этом свидетельствуют статейные списки).

Полнота обозначения царских титулов не раз становилась предметом специального рассмотрения при заключении внешнеполитических договоров.

В грамотах, адресованных иностранным государям, царские титулы писались либо в полном, либо в кратком варианте. Краткий титул, предшествовавший «имянованью» государя (он имеет устоявшуюся, повторяющуюся из грамоты в грамоту форму), мы называли *основным*. За «имянованьем» следуют полные «титлы» (или «титла» – в посольских документах используются обе формы – и единственного, и множественного числа женского рода), которые могут варьироваться.

Служащие Посольского приказа в Петровское время при подготовке царских грамот иностранному адресату могли пользоваться изданной при царе Алексее Михайловиче «Титулярной книгой» или «Титулярником», где были приведены титулы многих иностранных правителей (в том числе и дожа Венеции). Адресаты Петра, естественно, не могли обращаться к этой роскошно изданной рукописной книге, им недоступной. Кроме того, разные повороты в дипломатических сношениях России с соседними государствами нередко определяли и характер дипломатических отношений с ними. Иначе говоря, неполнота царских титулов в посланиях иностранных государей к русскому

царю, как правило, имела объяснение объективными причинами, но нередко становилась отдельной темой переговоров русских дипломатов с иностранными. Когда посланник венецианского дожа Альберто Вимина прибыл в Россию в 1655 году с посланием от дожа Франческо Молина, то ему, по его собственному признанию, была поставлена в вину неполнота царских титулов в послании дожа от 12 декабря 1654 года. Венецианскому посланнику пришлось оправдываться, объяснять это неведением венецианской канцелярии и ссылаться на имеющиеся в ее распоряжении титулы царя Ивана Васильевича⁶.

В первых грамотах Алексея Михайловича в Венецию основной титул русского царя – «великого государя царя и великого князя»⁷ – тот же, что и в грамоте Ивана Васильевича, но теперь за именем царя следует новый титул: «всеа великия и малыя и белыя росии Самодержец»⁸, указывавший на абсолютный характер власти русского царя во внутренней и внешней политике.

В титуле Алексея Михайловича лексема «самодержец» относится к трем Россиям – «великой», «малой» и «белой» (всея великия и малыя и белыя Росии Самодержец). Именно до сих пор доходит в царских грамотах золотая краска (захватывая также букву М в следующем далее прилагательном «Московский» (за которым следуют Киевский, Владимирский, Новгородский). Первым назван город, в котором пребывает царь. Таким образом, выделено главное владение царя. Названия следующих далее владений – они включают перечень всех подвластных царю земель, в том числе и недавно завоеванных – написаны обычной краской.

Завершающие интитуляцию Алексея Михайловича титулы «и иных многих государств и земель восточных и западных и северных отчичь и наследник и государь и облаадаватель» указывают на то, что земли, подвластные царю, не поддаются поименному перечислению – новы, по сравнению с грамотой Иоанна Васильевича (его титулы завершались указанием на «и иных»: «и всея Сибирские земли и северные страны повелитель, государь и иных»).

Таким образом, инвокация и интитуляция, свидетельствующие о расширении царских владений, позволяют Алексею Михайловичу передать то, что в основном тексте грамоты прямо заявлено быть не может: адресат имеет дело с мощнейшим правителем, требующим соответствующего к статусу державы отношения.

Выработанная в грамотах Алексея Михайловича царская интитуляция, несущая особую смысловую нагрузку – акцент на могуществе царской власти – независимо от адресата грамоты – использовалась в грамотах царей Иоанна и Петра Алексеевичей (но во множественном числе).

Ту же интитуляцию, что и в грамотах Иоанна Васильевича и Алексея Михайловича, находим в Петровских грамотах: «мы», разумеется, здесь указывает на одно лицо, существительные и прилагательные в титулах даны в форме единственного числа: основной титул («Мы пресветлейший и державнейший великий государь царь и великий князь»), затем имя и отчество (Петрь Алексеевичь), географические титулы. Эта структура сохраняется во всех грамотах Петра, начиная с первой, от 11 июля 1696 года⁹ и вплоть до последней, от 20 декабря 1721 года¹⁰. В грамотах, адресованных в Венецию, в интитуляцию Петра I никогда не включается титул Императора. В грамотах русских государей к дожам Венеции он не упоминался и до Петра – он встречался (применительно к русскому царю) только в иноязычных текстах, а в посланиях русских царей он появится уже после кончины Петра Великого.

В грамотах в Венецию соблюдается исконно русская традиция именования царя по имени и отчеству, несмотря на то, что Петр первым из русских царей последовал европейской традиции и велел именовать себя не по отчеству, а словосочетанием «имя собственное плюс порядковое прилагательное» – Петр Первый.

В его интитуляции на всем протяжении царствования остаются без изменения географические титулы: в грамотах после заключения Нейштадтского мира в 1721 году, когда Россия выиграла Северную войну, балтийские «провинции» никак в царской интитуляции не фигурируют.

Сохранилось и оформление интитуляции: как и до Петра, она писалась золотой краской вплоть до заглавной буквы «М» в титуле «Московский», а имя и отчество царя – большими буквами.

Формула адресата и начальное приветствие. В посланиях русских государей, адресованных зарубежному адресату, непосредственно за царской интитуляцией следует приветствие, обращенное к нему.

Обращение русских государей к дожам Венеции менялось, становилось более развернутым, возможно, по мере их знакомства с государственным устройством «Светлейшей республики». Так, в грамотах царя Иоанна Васильевича от 10 марта 1582 года находим обращение «Пресветлейшему Венецкому князю Николаю Земонту и всем посполито людям венецким»¹¹, что, понятно, никак не совпадало с тем, как принято было обозначать правителей Венеции в пределах их владений.

Алексей Михайлович, имевший довольно регулярные связи с Венецией, обнаружил стремление больше узнать об одном из своих союзников по антиосманской коалиции. Надо думать, не по собственной инициативе на переговорах с венецианским посланником Альберто Виминой дьяк Томило Перфирьев специально интересовался государственным устройством Венеции, ее отношениями с другими государствами и титулами ее правителя¹².

Из разговоров с Виминой Перфирьев мог почерпнуть, что Венеция – суверенное государство, владеющее значительной территорией, что правитель Венеции, Франческо Вимина, – не король (ответ Вимины о том, что никого в посланиях дож не называет «другом» или «братом» могло быть тому подтверждением: «братом» обычно именовалась особа королевской крови), что обращаться к дожу следует «Светлейший князь».

Не исключено, что эта информация была учтена переводчиком грамоты дожа на русский язык от 12 декабря 1654 года: «Францыскус Молино, Божию милостью князь Веницейской и иных»¹³, передавшего имя дожа в латинской

огласовке (ср. итал. *Франческо*), а фамилия – в форме на –о (ср. венец. фамилия «Молин»).

Для венецианского титула «дож» был подобран русский эквивалент «князь», определенный при помощи прилагательного «венецкий», образованному от топонима – главного города республики. Определение «и иных» предполагает другие владения в интитуляции дожа – а они у него были. Интитуляция дожа – «князю венецкому и иных» представлена по той же формуле, по которой, как мы видели выше, давались географические титулы российского царя.

Грамота Алексея Михайловича от 1668 года содержит принципиально новое обозначение адресата: общетальянский титул дука (дож – его венецианское соответствие), который переводится на русский как «герцог» и «князь», передан при помощи заимствованной из немецкого лексики «арцух», что соответствует «герцог».

Грамота Алексея Михайловича от 1668 года отличается особенной формой инвокации, приближающейся к царской интитуляции не только семантически, как раньше, но и синтаксически. Синтаксическому сходству в известной мере пожертвована прагматика и логика. Венецианский дож, в отличие от русского царя, обладал только одним титулом – географическим, однако составители царской грамоты, стремясь воспроизвести структуру царской интитуляции и создать для дожа двойной титул – основной и географический, дублируют исконно русскую «князь» при помощи заимствования «арцух». Характерно, что в основном титуле использована именно лексема «князь», а не заимствование. Составители отказываются от клише («и иных»), значение которого вобрало в себя словосочетание «владетельство веницейское», а поскольку титул дожа никак не связан с якобы подвластными ему землями, то последние представлены в русской грамоте как «владетельство».

Наконец, в последней грамоте Алексея Михайловича в Венецию от 11 октября 1672 года обозначение адресата не содержит инвокации¹⁴. В основном титуле представлена одна лексема –

«велеможному», географический титул «Арцуху Винецкому» – та же определительная конструкция, но несколько упрощенная, что использовалась в первых трех грамотах.

Обозначение адресата, встретившееся нам в грамоте Алексея Михайловича 1668 года, в дальнейшем утвердится в грамотах царей Иоанна и Петра Алексеевичей, например, от 18 марта 1695 года¹⁵.

В посланиях царя Петра Алексеевича, адресованных в Венецию в 1796–1700 годах, встречаем то же обозначение адресата, что и в последних грамотах царей Иоанна и Петра Алексеевичей, включая огласовку на –е в прилагательных «венецциского» и «венеццискому»: «Пресветлейшему велеможному князю и господину господину Селивестру Валерию, Божию милостию арцуху владетелства ЗОЛОТОМ венецциского и всему Сенату венеццискому»¹⁶.

Если в грамотах, отправленных до 1710 года, вторым адресатом выступал Сенат («всему Сенату венеццискому»), то начиная с 1710 года послания Петра обращены ко «всей яснейшей речи посполитой венецциской»¹⁷: именно так на русский язык было переведено с итальянского *Serenissima Repubblica di Venezia* (букв. «Светлейшая Венецианская Республика»).

Отметим, что итальянскому прилагательному *Serenissimo* (букв. «светлейший»), присутствующему как в титуле дожа, так и в обозначении республики, в русской грамоте соответствуют два прилагательных: к титулу

дожа относится прилагательное «светлейший», который обычно использовался в русском языке по отношению к лицам, тогда как Венецианская республика – «яснейшая». Так она называется во всех посланиях, отправленных от имени Петра в Венецию, начиная с 1710 года.

Как видим, в грамотах Алексея Михайловича было выработано обозначение венецианского адресата по образцу царского титула. Составители Петровых грамот в Венецию попытались таким образом поднять статус адресата и выразить ему почтение доступными средствами эпистолярного речевого этикета.

Данное обозначение адресата без изменений просуществовало всю эпоху правления братьев Иоанна и Петра Алексеевичей и перешло в первые Петровские грамоты.

Как показывает проведенное исследование, формуляр начальной части царских грамот к иностранным правителям, в том числе и к дожам и Сенату Венеции, сложился в основном в царствование Алексея Михайловича. Именно в это время вырабатываются формулы инвокации и интитуляции, задача которых состоит не только в назывании адресанта – правителя России, но и в передаче добавочных смыслов (могущество царской власти). В то время как название царя продолжало соответствовать старинной русской традиции (упоминание его по имени и отчеству), обращение к дожам Венеции определялось реалиями венецианского государственного устройства.

Примечания

¹*Szeftel Marc*. La monarchie absolue dans l'état Moscovite et l'Empire Russe (fin XVe siècle – 1905 // *Szeftel Marc*. Russian Institutions and Culture up to Peter the Great. P. 729.

²Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. X. СПб., 1871. Стлб. 367.

³ПДС, X, стлб. 918–925.

⁴ПДС, VII, стлб. 766–769.

⁵*Venezia*. Archivio di Stato. Czar di Moscovia dal 1655 al 1740. № 51.

⁶*Caccamo D. Alberto* *Vimina in Ucraina e nelle «parti settentrionali» : diplomazia e cultura nel Seicento veneto // Europa Orientalis*. 1986. № 5. P. 278–279.

⁷ПДС, X, стлб. 918–925.

⁸*Ibid.*

⁹Czar di M., № 43.

¹⁰Venezia. Archivio di Stato. Czar di Moscovia dal 1655 al 1740., № 76.

¹¹ПДС, X, стлб. 363 и 368.

¹²*Caccamo D.* Alberto Vimina in Ucraina e nelle «parti settentrionali» : diplomazia e cultura nel Seicento veneto // Europa Orientalis, 1986. № 5. P. 279–280

¹³ПДС, X, стлб. 901, сходно: Там же, стлб. 1211

¹⁴ПДС, IV, стлб. 766.

¹⁵ПДС, X, стлб. 1251.

¹⁶Venezia. Archivio di Stato. Czar di Moscovia dal 1655 al 1740. № 40, 43, 46, 48, 50–51, 63–64.

¹⁷Ibid. № 61, 68, 70–72, 75–76.

Kardanova Nataliya Borisovna

A.M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

PECULIARITIES OF TSAR'S LETTERS TO DOGES OF VENICE: INVOCATION, INTITULATION AND INITIAL GREETING

The article analyzes initial formulas of tsar's letters to Doges of Venice. The research is based on the letters of the tsars Alexey Mikhailovich, Ivan and Peter Alexeevich, and Peter the Great, kept in the State Archive of Venice and in Russian archives, as well as on documents already published.

Keywords: *letter, diplomatic correspondence, initial formulas, Russia, Venice, Peter the Great.*

Контактная информация:

e-mail: natalia.venezia@yandex.ru

Рецензент – *Ненашева Л.В.*, доктор филологических наук, доцент кафедры истории русского языка и диалектологии института филологии и межкультурной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова